

Шон, сосредоточенно уставившись в потолок, думал о сочетании двух своих способностей. Это был его первый опыт их совместного применения. Он разместил рукопись злодейского репортера на двери своей спальни, и вся комната превратилась в его допросную. Однако он ощущал, что это был предел эффективности рукописи. К тому же, поскольку это было реальное пространство, способность исходной рукописи запрещать заключенным покинуть помещение значительно ослабла. Иными словами, способность манипулировать эмоциями и усиливать страх значительно усилилась, но другие способности значительно ослабли. Шон попытался объединить эту способность со своим обманчивым сердцем, и это сработало неожиданно хорошо. Психологическая защита Ран Сюньчжу была разрушена им практически без препятствий. Более того, поскольку он был знаком с прошлым девушки, в его продуманном руководстве не было резких обратных реакций. Шону даже не нужно было прилагать много усилий, его "недостатки" стали инструментом самоубеждения для Ран Сюньчжу. Конечно, это также было связано с ее предыдущим состоянием. Предательство Гао Циншаня стало для нее сильным ударом. Кроме того, после взрыва эмоций, казалось, что самые глубокие желания людей в зоне воздействия были извлечены на поверхность и превращены в иррациональные импульсы. Важно то, что Шон обнаружил, что когда он использовал свое обманчивое сердце, чтобы обманывать чувства и воспоминания других людей, ценой, которую ему приходилось платить потом, становилась эмоциональная и сознательная иррациональность. Ему это не нравилось. Безумие и импульсивность — это нормально, но двери, ведущие к потере контроля, должен открывать только он сам. Сердца людей непредсказуемы, и цена, которую придется заплатить, в какой-то момент может стать чрезвычайно высокой... Кажется, что обманчивое сердце в будущем нельзя использовать слишком часто. Недостаточная рациональность иногда губительнее, чем недостаточная сила. Пока он размышлял, белая рука коснулась его груди. Посмотрев в сторону, он увидел мирно спящую Ран Сюньчжу. Ее нежные, словно лотос, белые руки мягко лежали на одеяле, а спина, переходящая в ее округлые плечи, была несколько угловатой. Линия плеч и выступ спины создавали расслабленные волны. Ниже, перед ним открылась большая равнина белой, маслянистой мягкости, а посередине была глубокая пропасть. Обычно она носит форму, поэтому не показывает своего телосложения... Шон не думал о том, почувствует ли Ран Сюньчжу, что он был слишком импульсивен прошлой ночью, когда проснется, и он, пожалуй, просто устроит представление снов. И... На его лице медленно появилась улыбка. С этого дня Ран Сюньчжу больше никогда не будет просто его "партнером". У него нет никаких чувств к Ран Сюньчжу, а его "любовь с детства" — всего лишь имитация. Кто заставил его обладать великолепной памятью и ясно помнить истории персонажей? Из-за ряда происшествий Бюро Наблюдения неизбежно будет очищено, а Гао Циншань вскоре окажется в розыске. Поэтому Шон хочет снова поддержать кого-то в Бюро Наблюдения. На этот раз это не может быть нестабильный фактор, как Гао Циншань. Ему нужен человек, который будет полностью находиться под его контролем. Право на участие в доходах Бюро Наблюдения? Как могло быть, чтобы у Шона были такие скромные аппетиты? Все, чего он хотел на самом деле, — это полностью преобразовать Бюро Наблюдения в свою собственную форму. Так же, как и Ран Сюньчжу. — Не будя Ран Сюньчжу, Шон размял мышцы и вышел из спальни. "Шепот..." Неясный звук презрения проскользнул мимо, и Шон оглянулся, но никого не увидел. Он беззаботно улыбнулся. Там, Моза уже ждал его. "Брат..." Моза поправил очки, "Академия практически сходит с ума. В городе сейчас очень оживленно. Большая группа людей ищет Гао Циншаня". Шон зевнул: "Не беспокойся, пусть они сначала пошлют". "Хорошо, кстати, вот еще..." Моза протянул документ, "Мы продолжили расследование, и тетя Гао Циншаня также нашла много интересного. Личности их семьи были подделаны". "Это нормально. В конце концов, его тетя работала в правительственном отделе по новому гражданскому праву в то время. Это только начинало внедряться, и было очень много лазеек. Так называемая регистрация личности была просто формальностью. Сделать что-то было очень просто". Шон взял документ и просмотрел его. Через некоторое время на его лице появилось выражение удивления. Удивление вскоре сменилось неприятной улыбкой, и он

радостно рассмеялся: "Это еще интереснее, чем я думал, ха-ха-ха". "Воображение моделировщика действительно уступает воображению создателя сюжета". Он рассмеялся и покачал головой. Моза, не понимая, смотрел с недоумением. Кто такой моделировщик? Кто такой создатель сюжета? Шон не мог ждать, чтобы сделать шаг вперед: "Пойдем, встретимся с Циншанем". — В тусклой маленькой камере Гао Циншань, скованный наручниками, сидел в углу с пустым взглядом. Вернувшись в "Золотого Призрака", он, естественно, потерял свободу, и он прекрасно понимал, что его ждет не любовь. Сейчас у него осталась только одна надежда, надежда, что Шон позволит его сестре и тете жить. Отчаяние начало переполнять его, и он поднял голову, озадаченный. "Слишком ли я поспешил... О чем я думаю, о мести... или о той нелепой справедливости..." "Бах—" Дверь была грубо распахнута. Свет, проникающий внутрь, не заставил Гао Циншаня щуриться в темноте, он просто быстро опустил голову. "Циншань, мой великий герой". Шон театрально широко развел руки, полный энтузиазма. Гао Циншань уже смирился со своей судьбой. Его голос был сухим: "Я сделаю, как ты скажешь. Я только прошу тебя отпустить Юньлу и мою тетю". Шон улыбнулся, подошел к нему и присел на корточки, глядя на него. Спустя мгновение он задал сбивающий с толку вопрос. "Светло-зеленые глаза, это из-за твоего ветра?" Гао Циншань не знал, почему его спрашивают, но он знал, что не имеет права задавать вопросы, поэтому просто кивнул. Шон понимающе улыбнулся, затем сел в стороне: "Ну, расскажи мне о своем путешествии?" Гао Циншань горько рассмеялся: "Ты все знаешь, зачем спрашивать..." "Я хочу услышать, что ты скажешь". ".....хорошо". "Чао Суй не был моим спасителем. Я специально создал ситуацию, в которой он меня спас... Когда ты пошел договариваться с Вугуй, я тайком сообщил твое расписание другим силам. Когда другие силы предприняли действия против тебя, я также тайком напомнил Чао Цзюю. Я давно знал, что Чао Чжэн — это могильщик под руководством Чжан Чжэня... Я знаю его. Он не посмеет открыто напасть на тебя, но если представится шанс, он определенно не даст тебе уйти". "Я хотел использовать это, чтобы полностью запутать "Золотого Призрака"". Шон кивнул и с улыбкой сказал: "Ты хочешь отомстить "Золотому Призраку"?" Гао Циншань кивнул: "Мои родители погибли от рук "Золотого Призрака". Я присоединился к "Золотому Призраку" только для того, чтобы его уничтожить". "А насчет заместителя директора? Он просто дал тебе шанс?" Гао Циншань горько улыбнулся: "Ну, я думал, что это хорошая возможность заставить "Золотого Призрака" сражаться между собой, но я не ожидал, что это было твоим планом... Когда ты начал меня преследовать?" Шон не ответил, а с большим интересом спросил: "Вот и все? Ты должен знать, что ты слишком поспешен. Черт возьми, это единственная причина, по которой ты вступил в Бюро Наблюдения?" Гао Циншань машинально избегал его взгляда: "Я правда поспешил..." Шон усмехнулся: "Разве в Бюро Наблюдения нет знакомых людей?" Гао Циншань словно поражен молнией. Шон наклонился и прошептал: "Циншань, слишком много лазеек... Оба родителя мертвы, как твоя сестра может позволить себе учиться в Академии? Твоя семья, должно быть, была очень богатой, верно?" "Стоит провести небольшое расследование, и ты можешь узнать о проблемах внутри..." "Моя семья разрушена... Я действительно испытываю глубокую ненависть... Я так сильно ненавижу тебя, что ты скрываешь свое имя и пробираешься в "Золотого Призрака". Ты не смеешь жить со своей оставшейся семьей, ты даже не смеешь узнавать своих бывших друзей..." Мягкий шепот Шона звучал так, словно злой дух пожирал сердце Гао Циншаня. "В конце концов, ты не можешь защитить никого... братишка..."